

Сун Ляньчэнь прекрасно знал, чья кровь течет в его жилах. Его мать была Святой девой Секты Небесного Сокровенного, а отец — презренным демоном, на которого в мире заклинателей охотился каждый встречный.

Любовь чистой девы и порождения тьмы, их тайный союз — это было несмываемым пятном на репутации ордена. Старейшины Секты Небесного Сокровенного пришли в неистовство. Дабы не допустить позора, глава секты Оуян Жуи отдал негласный приказ: выследить и уничтожить демона, а Святую деву вернуть в обитель, навсегда предав случившееся забвению.

Однако к моменту, когда каратели настигли беглецов, Сун Ляньчэнь уже появился на свет. Известие о рождении полукровки привело Оуян Жуя в бешенство. Он лично возглавил охоту и безжалостно расправился с отцом ребенка. Святой деве чудом удалось спастись, прижимая младенца к груди.

Шесть лет они провели в бегах, вздрагивая от каждого шороха. Но вечно скрываться не суждено — ищейки ордена вновь настигли их. В ту последнюю, отчаянную минуту мать Сун Ляньчэня пожертвовала всем: выплеснув остатки духовных сил, она вытолкнула сына из окружения, обрекая себя на верную гибель.

Маленький Сун Ляньчэнь, в одночасье потерявший единственный оплот в этом мире, был до смерти напуган. И все же врожденное чутье подсказало ему: нельзя сдаваться. Он понимал, что охота на него не прекратится ни на миг. Днем он затаивался в самых глухих норах, а с наступлением сумерек пробирался поближе к жилью, чтобы раздобыть хоть какую-то еду.

Вскоре после трагедии он решился прокрасться назад, к их последнему временному пристанищу. Но на месте скромного домика его встретило лишь пепелище — каратели пустили постройку по ветру, выжигая саму память об их существовании.

Сколько Сун Ляньчэнь себя помнил, его жизнь состояла из бесконечной череды дорог. Мать вводила его дальше и дальше, они нигде не задерживались дольше нескольких лун.

На его детские расспросы мать лишь мягко улыбалась и обещала, что они обойдут всю землю, увидят красивейшие горы и реки. И он верил ей всей душой. Лишь когда у их порога выросли вооруженные люди в белых одеждах Секты, пелена спала с его глаз. Красивая сказка оказалась ложью: все эти годы они бежали не навстречу прекрасному миру, а прочь от безжалостной погони.

Не в силах отыскать и следа матери, Сун Ляньчэнь решился на отчаянный шаг — пробраться в дом к местным жителям и подслушать их разговоры. Хозяйка того дома оказалась доброй душой. Она мало знала их маленькую семью, но, заведя на пороге истощенного, оборванного ребенка с восковым лицом, не смогла сдержать слез жалости.

От нее мальчик и узнал страшную правду: мамы больше нет. Те свирепые заклинатели забрали ее остывшее тело, а дом предали огню.

Позже слухи об этой постыдной связи просочились в свет, всколыхнув весь мир заклинателей. Ордена требовали ответа. Чтобы утихомирить разгневанную толпу и спасти остатки чести ордена, Оуян Жуй громогласно пообещал уничтожить бастарда и восстановить попорченную справедливость.

Повсюду замелькали указы о розыске. За любую весть о местонахождении Сун Ляньчэня сулили золотые горы. Мальчику удавалось водить преследователей за нос больше полугода — он скользил тенью по задворкам империи, пока не встретил человека, который показался ему чистым и благородным, словно ясный лик луны.

Полгода скитаний превратили его жизнь в ад. Вечный голод, леденящий страх и бессильная злоба к Секте Небесного Сокровенного истощили детское тело и душу. Мальчик был на грани гибели, когда перед ним появился этот благодетель.

Он говорил мягко, улыбался открыто, пригласил лекаря, чтобы залечить раны ребенка, и досыта накормил его горячим супом. Сун Ляньчэнь впервые за долгое время расслабился и поверил ему, как родному. Но платой за детское доверие стало самое подлое предательство.

Этот человек своими руками привел истощенного мальчика к Оуян Жую, выторговав за его голову щедрую награду.

Столкнувшись с истинным уродством человеческой души, Сун Ляньчэнь едва не сломался. Но, зажав обиду глубоко внутри, он утер слезы. Настало время суровой реальности: он не хотел умирать. Он должен был выжить, окрепнуть и заставить убийц своей семьи заплатить за все.

Он потерял счет времени в сыром, зловонном полумраке водной тюрьмы. В итоге Секта Небесного Сокровенного вынесла вердикт: намертво запечатать его духовные каналы, навсегда закрыв путь к самосовершенствованию, и оставить при храме бесправным слугой — искупать «грехи» своего рождения до конца дней.

Несколько месяцев, проведенных в стенах ордена, превратились в бесконечный кошмар. Вся грязная, тяжелая работа ложилась на его плечи. Мальчишка стал живой мишенью для битья: даже ничтожные внешние ученики, получив нагоняй от внутренних, срывали на нем свою злобу.

И каждый при этом читал ему нотации:

— Ты должен в ноги кланяться главе Оуян Жую. Если бы не его великое милосердие, твои кости давно бы сгнили в овраге. Так что работай как проклятый и не смей роптать — отрабатывай свой долг перед Сектой!

Сун Ляньчэнь молча сносил побои, скрывая за внешней покорностью холодную ярость.

«Мерзавцы, — мысленно сплевывал он яд. — Вы лишили меня родителей, сломали жизнь, а теперь требуете преданности? Придет день, и я пущу кровь каждому из вас»

Конечно, со скованными меридианами эти мысли казались детским лепетом.

И все же он не сдался. Выждав, когда орден погрузится в суету подготовки к Собранию Испытания Меча, он улучил момент и совершил побег. Вскоре после этого судьба свела его со спасителем — эксцентричным, но невероятно мягкосердечным стариком, известным как старейшина Тяньхэ.

Вслед за наставником Сун Ляньчэнь ушел в Секту Чистого Ветра. Там, под защитой новых стен, его израненная душа наконец начала исцеляться, а непроглядный мрак отступил перед первыми лучами надежды.

Дождавшись, пока изрыгающий проклятия надзиратель наконец уберется восвояси, Сун Ляньчэнь доковылял до залитого солнцем пятачка двора. Опершись на старую метлу, он устало опустил на землю и прижал ладонь к горячему лбу. Так и есть, лихорадка.

Впрочем, жар его мало заботил. За время, проведенное в Секте Небесного Сокровенного, он привык переносить любые болезни на ногах — без лекарств и сочувствия, полагаясь лишь на живучесть собственного тела. Сейчас его разум занимала куда более важная загадка: как он умудрился вернуться в прошлое?

Сун Ляньчэнь отчетливо помнил день рождения своего наставника. Тогда он впервые притронулся к хмельному — и старшие братья с сестрами тут же шумно сговорились и напоили его до беспамятства. Сквозь пьяную пелену ему помнилось, как старший брат бережно дотащил его до постели.

Но когда он вновь открыл глаза, реальность раскололась. Он очутился на восемь лет назад — в самом сердце ненавистной, вызывающей лишь омерзение Секты Небесного Сокровенного.

«Что за чертовщина здесь творится?» — Сун Ляньчэнь сидел в углу двора, невидящим взором уставившись перед собой.

Солнце уже успело высушить его потрепанную одежду, а мысли так и не пришли в порядок.

«Пустое, — встряхнул головой мальчик. Переняв от старейшины Тяньхэ привычку не пасовать перед трудностями, он быстро вернул себе самообладание. — Какая разница, как это произошло. Главное сейчас — убираться из Секты Небесного Сокровенного как можно скорее»

Остаться здесь дольше означало подписать себе смертный приговор. Изверги из ордена

могли лишить его жизни в любой момент просто ради забавы.

Сун Ляньчэнь опустил взгляд на свои маленькие ладони, покрытые ссадинами и лопнувшими водяными мозолями от тяжелой метлы.

«Для начала нужно отыскать наставника, — тихо прошептал он про себя. — Без его помощи печать с каналов не снять. А со скованными меридианами я так и останусь беспомощным калекой»

Второе рождение облегчало задачу: первый побег учит многому, а второй дается шутя. В прошлый раз ему было всего семь, когда он умудрился обвести вокруг пальца стражу ордена. Теперь же в детском теле скрывался разум пятнадцатилетнего подростка, знавшего каждый лаз в стене.

Освобождение далось ему без малейшего труда. Более того, перед тем как окончательно покинуть эти проклятые стены, Сун Ляньчэнь улучил момент и со злорадным удовольствием справил нужду прямо в священный питьевой источник Секты.

Изначально он планировал сразу направиться к месту, где в прошлый раз — если эту жизнь вообще можно назвать прошлой — повстречал старейшину Тяньхэ. Однако дорога внесла свои коррективы.

Оставив преследователей далеко позади, Сун Ляньчэнь пристроился на попутную телегу, запряженную неспешным осликом. Правил ею старик — жутко глухой, но все еще зоркий. Чтобы побеседовать с ним, приходилось кричать во всю глотку.

Впрочем, мальчика это ничуть не утомляло. Напротив, общество такого попутчика дарило редкое чувство безопасности: подслеповатый старик не мог как следует разглядеть его лицо, а значит, и не заподозрил бы в нем беглого раба.

Телега лениво тащилась весь день и лишь к вечеру остановилась на пыльной площади сонного городка.

Старик добродушно пригласил его к себе на ужин, но Сун Ляньчэнь вежливо отказался. Зачерпнув придорожной грязи, он хорошенько измазал лицо и устроился на углу улицы под видом обычного бродяжки. К удивлению, улов оказался неплох: сердобольные прохожие подкинули ему пару горячих мясных булочек и несколько медных монет.

Сун Ляньчэнь сжал медяки в кулаке, чувствуя, как на душе теплеет. В прошлый раз, сбежав из ордена без гроша в кармане, он едва не протянул ноги от голода. Теперь же, имея при себе хоть какие-то деньги, он мог не бояться голодной смерти.

Пока он мысленно прокладывал маршрут, его внимание привлекла группа людей в белых

одеждах. Краем глаза он заметил, что по улице не спеша идут adeпты Секты Небесного Сокровенного. В руках они держали развернутые свитки с портретами, внимательно вглядываясь в лица прохожих.

Внутри у Сун Ляньчэня все похолодело. Неужели так быстро вышли на след?

Спрятав недоеденную булочку за пазуху, он покрепче перехватил щербатую плошку и поднялся на ноги. Всем своим видом он старался показать, что просто перебирается на более сытное место для попрошайничества.

Однако удача отвернулась от него. Стоило сделать шаг, как один из зорких заклинателей закричал:

— Вон он! Держи его!

Сун Ляньчэнь рванул с места. Он вернулся в этот мир вовсе не для того, чтобы эти ублюдки снова вытирали о него ноги.

Он мчался во весь дух, а в висках набатом стучала одна-единственная мысль:

«Только бы не поймали! Только не назад!»

Он прекрасно понимал: первый побег удался лишь потому, что в ордене его держали за ничтожество. Преследователи знали, что его каналы запечатаны, а сам он еще глупый ребенок, и попросту потеряли бдительность.

Но если его поймут теперь, о снисхождении можно забыть. Его швырнут в такие глубины ада, по сравнению с которыми прежнее водяное узилище покажется детской забавой.

Сун Ляньчэнь совсем не знал этих мест. Он петлял по узким улочкам, словно загнанный зверь, ныряя в самую гущу толпы в надежде затеряться. На очередном перекрестке он оглянулся назад, чтобы оценить расстояние до погони, и на полной скорости врезался в кого-то грудью.

— Простите! — поспешно забормотал он, отшатнувшись. — Простите, я не хотел!

— Все в порядке, — раздался над головой чистый, на удивление приятный голос. — Я не ушибся. А вот ты как? Сильно приложился?

Этот мягкий, бархатистый голос показался Сун Ляньчэню смутно знакомым. Он медленно поднял глаза, и в то же мгновение кровь отхлынула от его лица, оставив смертельную бледность.

Лу Хуайцин

Перед ним стоял Лу Хуайцин.

Тот самый мерзавец, который когда-то втерся к нему в доверие, согрел ложной заботой, а затем хладнокровно продал в рабство Секте Небесного Сокровенного.

Линь Юй с недоумением разглядывал застывшего перед ним оборванца. Лицо мальчишки сделалось мертвенно-белым, а тело натянулось, словно струна.

— Эй, малыш, ты в порядке? — с искренним беспокойством спросил Линь Юй.

Не дождавшись ответа, он опустил на корточки и потянулся рукой к горячему лбу ребенка, намереваясь проверить жар. Однако мальчик среагировал мгновенно — с яростной силой ударил его по ладони, заставив отдернуть руку.

— А ты силен, — Линь Юй лишь усмехнулся, ничуть не рассердившись на грубость. Он продолжал смотреть на ошетилившегося, словно дикий зверек, ребенка с неизменной мягкостью в голосе: — Да ты не бойся, я не обижу. Просто удар вышел знатный. Я-то ладно, кости крепкие, а вот тебе, небось, знатно досталось? Голова не кружится?

Мальчик упорно молчал, буравя его полным ненависти взглядом. Вздохнув, Линь Юй полез в широкий рукав и достал оттуда две сверкающие золотые пластинки, выполненные в форме листьев.

— Держи, — он протянул золото ребенку. — Считаю это извинением от старшего брата. Ну же, давай не будем ссориться, идет?

Глядя на улыбающееся лицо и слушая этот обволакивающий, приторно-сладкий голос, Сун Ляньчэнь до боли стиснул челюсти.

«Что за комедию ломает этот лицемер? — клокотала в его груди ярость. — Неужели он думает, что я забыл его паршивую физиономию? Или надеется поймать на ту же удочку дважды? За полного дурака меня держит?!»

Взгляд мальчика упал на блестящие золотые листья в ладони мужчины, и гнев вспыхнул с новой силой.

Сун Ляньчэнь помнил все до мельчайших деталей. При их первой встрече в прошлой жизни у Лу Хуайцина за душой не было ни гроша — лишь горсть тусклой меди да пара обрезков серебра. Откуда же теперь взялось это богатство?

Ответ был очевиден: этот ублюдок протягивал ему те самые золотые монеты, которые выручил за его же предательство!

<http://bllate.org/book/18181/1752030>